

Предложенная Б.Н. Головиным уровневая организация языка, на наш взгляд, отражает сложившееся у современных лингвистов научное представление об этом феномене и является важным аргументом в пользу рассмотрения *морфемике и словообразования* в качестве самостоятельных разделов науки о современном русском языке. Однако неразрывная связь между этими уровнями и (соответственно) разделами языка, общность языковых единиц и терминологического аппарата заставляют ученых, особенно авторов учебников и учебных пособий, искать обоснование для объединения их в одну науку (см. об этом выше).

Представляется, что многие противоречия были бы сняты, если бы была принята идея представить

морфемике и словообразование как целостную систему. Эта идея получила развитие и детальное описание в работах Н.Д. Голева. Он предложил выделить *морфодеривационный языковой уровень* как «особую подсистему языка, организуемую специфической и по форме, и по содержанию единицей – морфемой» [18, с. 4]. Соответственно науку, изучающую морфодеривационный строй языка и включающую в себя 2 раздела, морфемике и словообразование, предлагается назвать *морфодериватологией*.

К сожалению, на эту весьма конструктивную теорию многие ученые не обратили внимания, и вопрос о статусе словообразования в современной русистике остается открытым.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
2. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
3. Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.
6. Современный русский язык: В 3-х ч. Ч. II. Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. М., 1981.
7. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг: Учебное пособие. Екатеринбург, 2003.
8. Попов Р.Н., Валькова Д.П. и др. Современный русский язык. М., 1978.
9. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Под общ. ред. Л.А. Новикова. СПб, 1999.
10. Карпов А.К. Словообразование современного русского языка. Нижневартовск, 2000.
11. Современный русский язык. Ч. 2. Словообразование. Морфонология. Морфология / Под ред. П.П. Шубы. Минск, 1998.
12. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / Вопросы теории и истории языка. М., 1952.
13. Бартошевич А. К определению системы словообразования. Вопросы языкознания. 1972. № 2.
14. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
15. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
16. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.
17. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979.
18. Голев Н.Д. Основы мотивационно-словообразовательного анализа лексических единиц русского языка (Пособие по спецкурсу). Томск, 1980.

УДК 801.54

Е.Б. Никифорова

ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Волгоградский государственный педагогический университет

Вопросы о причинах, видах и способах исторических изменений семантики до сих пор остаются дискуссионными, несмотря на обширный материал, накопленный отечественными и зарубежными семасиологами. В наше время особенно актуальной

становится разработка схем и моделей, вскрывающих механизмы преобразований семантической структуры слова [1, 2].

В данной статье предпринята попытка выявить особенности развития значения лексем в процессе

семантической деривации, определить наиболее частотные диахронические типы семантических преобразований в структуре слова и представить наиболее продуктивные модели семантического сдвига.

Модель семантического сдвига – это исследовательский конструкт, наглядно (схематично) отражающий динамику в семантической структуре семемы, преобразования рангового статуса ядерных и периферийных сем при сохранении/изменении архисемы в процессе формирования производной семемы. Наиболее продуктивными представляются следующие модели.

Модель 1. В семантической структуре слова актуализуется одна или несколько потенциальных сем при сохранении архисемы. В результате перехода потенциальной периферийной семы в ранг ядерной сужается конвенционал словесного знака; при этом можно говорить об уменьшении экстенционала лексемы. В результате появившийся ЛСВ вступает с предыдущим в гиперогипонимические отношения: производная семема становится гипонимом по отношению к производящей. Так, лексема *приникнуть* исконно реализовала значение ‘наклониться, склониться’ [3, II, с. 437]. Например: *Господь съ небесе причине над сыны чловечьския* (Киевск. Псалт. 1397, К16); *Приникъшии* (къ ямЪ) *Ольга и ре(ч) имъ добра ли вы честь* (ЛЛ 1377, 6453). При актуализации дифференциальной семы ‘прикоснуться’, вхождении ее в ядро значение лексемы сужается (*приникнуть* – ‘склонившись, припасть, прижаться, прильнуть; приблизить глаза или ухо к чему-либо’ [4, III, с. 427]), что отражается в изменении контекстов: требуется дополнение *к чему?* Например: *Они отталкивали друг друга, приподнимали на минуту кверху головы, чтобы перевести дух, причем с их губ звонко капала вода, и опять с новой жаждой **приникали** к водоему, не будучи в силах от него оторваться* (Куприн, «Белый пудель»); *Я **приник** губами к Олесиной руке, неподвижно лежавшей на одеяле* (Куприн, «Олеся»).

Исконно лексема *платье* реализовала значение ‘одежда’, что нашло отражение в текстах (вплоть до конца XIX – начала XX вв.): *«Хорошо, – сказал я хладнокровно, – если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего **платья**... Дай ему мой заячий тулуп»* (Пушкин, «Капитанская дочка»); *Базаров переоделся, прежде чем пошел к ней; оказалось, что он уложил свое новое **платье** так, что оно было у него под рукою* (Тургенев, «Отцы и дети»); *В самом деле, привели Андрея – но в каком виде: без сапог, с разорванным **платьем** и с разбитым носом или у него самого, или у другого мальчишки* (Гончаров, «Обломов»). После перехода в ранг ядерных исконно периферийных дифференциальных сем ‘женская (одежда)’, ‘особого покроя’ появился новый ЛСВ лексемы *платье*, который является гораздо

более частотным и востребованным в современный период развития языка. Исконный ЛСВ, по отношению к которому новый ЛСВ является гипонимом, представляется в наше время архаичным.

Храм в древнерусский период обозначал дом, строение вообще. И.И. Срезневский отмечал несколько вариантов значений данной лексемы: 1. Дом. 2. Комната, горница. 3. Храм, здание для богослужения. 4. Сокровищница. 5. Лавка и другие [2, III, с. 1398–1399]. Как можно заметить, все отмеченные варианты возникали благодаря актуализации периферийных сем ‘для жилья’, ‘для богослужения’, ‘для хранения сокровищ’, ‘для торговли’ и т.д. Со временем в качестве основного закрепилась одна семема ‘дом Господа, церковь’. Например: *И, новым преданным страстям, // Я разлюбил его не мог: // Так **храм** оставленный – все храм, // Кумир поверженный – все Бог...* (Лермонтов, «Расстались мы, но твой портрет...»).

Лексема *удобрить* исконно вербализовала значение ‘улучшить’. Например, в древнерусском языке при описании богатого убранства церкви встречаем: *И семоу мно́го чоудихомъся, яко прѣдивно и изрядно **оудобрено*** (Игн. Пут., 101). В современном языке значение данной лексемы – ‘повысить питательные свойства почвы внесением какого-либо вещества’, т.е. улучшить качество почвы. Таким образом, современный ЛСВ является гипонимом по отношению к исконному. При существенном изменении и конкретизации значения базовая семема остается неизменной – ‘улучшить что-либо’.

Модель 2. В семантической структуре слова нейтрализуется как минимум одна ядерная дифференциальная семема при сохранении архисемы. При нейтрализации сем, которые ранее не только входили в конвенционал, но и определяли денотативно-сигнификативную сущность слова, экстенционал семемы увеличивается, по сравнению с производящей семемой производная становится гиперонимом.

Именно такой процесс наблюдается в наши дни в семантической структуре лексемы *пенсионер*. Основное значение этой лексемы, зарегистрированное в толковых словарях, – ‘человек, который получает пенсию’ [5, с. 498]. Однако, услышав высказывание типа *В парке **пенсионеры** на лавочках читают газеты*, носитель современного русского языка представит сидящих на лавочках пожилых людей (хотя и не может знать наверняка, все ли они получают пенсию), но не тридцативосьмилетних танцовщиц балета или офицеров средних лет, которые также являются «людьми, получающими пенсию». Вероятно, потому, что пенсию чаще всего получают именно за выслугу лет; *пенсионер* ассоциируется прежде всего с пожилым или старческим возрастом человека. При нейтрализации ядерной семы ‘получающий пенсию’ экстенционал расширяется и фор-

мируется новый ЛСВ 'пожилой человек'. Этот новый ЛСВ, не зафиксированный пока современными толковыми словарями, широко представлен в современном разговорном дискурсе и в произведениях художественной литературы. Например: *Вторая категория хозяев – богатые пенсионерки. Из бывших. Бывшие жены, бывшие красавицы* (Токарева, «Своя правда»). Поскольку реалии сегодняшней российской жизни, к сожалению, таковы, что получение пенсии еще не дает человеку возможности считаться богатым и нанимать прислугу, ясно, что в данном контексте реализуется не исконный вариант лексемы. Актуализацию нового ЛСВ поддерживают и уточнители *бывшие*, косвенно указывающие на пожилой возраст хозяек.

Модель 3. В семантической структуре лексемы могут актуализоваться потенциальные семы не денотативного, а коннотативного характера при сохранении архисемы. В этом случае лексема меняет свою оценочность. Процессы появления коннотативных сем, выражающих эмоциональное отношение говорящего, активно происходят в наши дни. Рассмотрим эволюцию семантики лексемы *кондовый*. Это прилагательное, производное от *конда* – 'боровая сосна, крепкая, мелкослойная и смолистая, растущая на сухом месте'. *Кондовый* (о лесе) – 'крепкий, плотный и здоровый, не трухлявый' [6, II, с. 150]. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой регистрирует данное слово в двух ЛСВ: 1. С плотной мелкозернистой древесиной, очень прочный (*спец.*) 2. Исконный, сохранивший старые обычаи, устои (*устар.*) [5, с. 289]. Судя по словарной дефиниции, можно подумать, что лексема (во втором ЛСВ) в современном языке реализует «положительное» значение, характеризуя нечто как стабильное, незыблемое, надежное, хранящее традиции, с достойными уважения устоями. Однако в данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда словарная статья верно отражает значение в понятийном (денотативном) отношении, но недостаточно адекватно – в плане коннотативном (оценочном). По нашим данным (результатам лингвистического эксперимента), значение рассматриваемого слова носители современного русского языка определяют как 'косный, застывший в своем развитии, не воспринимающий современные веяния, не отвечающий требованиям времени', т.е. в данном слове достаточно значимой является репрезентация отрицательной оценочности. Например: *Я уже в основном могла защитить сыновей от учительского хамства, но не могла наладить ситуацию, в которой за интеллект ставили «3», а за кондовый ответ по учебнику «5»* (Арбатова, «Мне сорок шесть»).

Модель 4. В ядре семемы не допускается сосуществование антонимичных сем, но на периферии оно вполне возможно. Если антонимичные потен-

циальные семы перемещаются в ядра двух производных семем, то в этом случае лексема развивает энантиосемичность: у нее появляется пара антонимичных ЛСВ. Архисема при этом сохраняется неизменной. Так, в лексеме *обжечь* при актуализации потенциальной семы 'высокая температура' формируется ЛСВ 'повредить жаром', а при переходе в ранг ядерной потенциальной семы 'низкая температура' – ЛСВ 'повредить или очень чувствительно воздействовать внезапным перепадом температуры (к холоду)'. При этом архисемой является 'мгновенное интенсивное физическое воздействие (на живую ткань)'. Эти антонимичные значения широко используются в современном художественном дискурсе. Например: *Его талант обжигал, как южное солнце* (Токарева, «Мой мастер»); *(Костя) накиннул дубленку на голое тело, вышел босиком. Холод обжег ноги, но все познается в сравнении* (Токарева, «Стрелец»).

Модель 5. В семантической структуре лексемы одни ядерные дифференциальные семы нейтрализуются, другие актуализуются и становятся ядерными. При этом архисема может оставаться прежней или меняться. Так, основным ЛСВ лексемы *пахать* является 'взрыхлять почву (при помощи машины или тягловой силы)' [5, с. 496]. На основе этой семемы была сформирована новая: 'много и добросовестно трудиться': *Они еще бесстыдно заставляли Лину пахать на свою раскрутку* (Арбатова, «Мне сорок шесть»). Ядерная дифференциальная сема 'земля, почва' нейтрализуется, а периферийные семы 'тяжелая', 'утомительная', 'долгая', напротив, актуализуются и приобретают статус ядерных; архисема 'работать' сохраняется.

В древнерусский период лексема *забавляти* реализовала значение 'затруднять, беспокоить': *Донде(ж) оубо ничто забавляе(т) имь звЪрь* [3, I, с. 895]. *Забавлятися* – 'затрудняться, иметь препятствие' [3, I, с. 895]. По данным словаря В.И. Даля, к XIX в. глагол не используется в этом значении; в это время его значение 'приятно занимать, не давать скучать, увеселять' [6, I, с. 549]. Ср.: *Княжна, кажется, из тех женщин, которые хотят, чтобы их забавляли; если две минуты сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невозвратно: твое молчание должно возбуждать ее любопытство, твой разговор – никогда не удовлетворять ее вполне; ты должен тревожить ее ежеминутно...* (Лермонтов, «Герой нашего времени»); *Как он умел казаться новым, // Шутя невинность изумлять, // Пугать отчаяньем готовым, // Приятной дестью забавлять...* (Пушкин, «Евгений Онегин»); *Таню забавляли петухи, лохматые дворовые собачонки, а когда мы увидели индюка, восторгу ее не было границ: «Какой апломб! Какое самомнение! При довольно гнусной внешности»* (Довлатов, «Заповедник»). Ве-

роятно, при формировании новой семемы 'развлекать' в семантической структуре при сохранении архисемы 'нарушать бессобытийное течение жизни' ядерная сема 'вносить нежелательные (дискомфортные) коррективы' подвергается нейтрализации, а сема 'приятно разнообразить', напротив, приобретает статус ядерной, ср.: «*Ведь, в сущности, ты не скучал?*» – «*Нет, не скучал, даже забавлялся*» (Тургенев, «Новь»). В некоторых контекстах глагол *забавлять* совмещает значения исконной и новой семем 'не давать покоя, беспокоить, затруднять (жизнь)' – 'развлекать', например: *Очень рад; я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда на страже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерение, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание из хитростей и замыслов, – вот что я называю жизнью* (Лермонтов, «Герой нашего времени»). В современном русском языке толковые словари фиксируют единственный ЛСВ: 'развлекать чем-нибудь занимательным, интересным' [5, с. 197].

Модель 6. При изменении архисемы всегда формируется новый лексико-семантический вариант – переносное значение слова. При этом одна из потенциальных сем становится ядерной, а прежде актуальные ядерные семы нейтрализуются. Каждая потенциальная сема теоретически может при актуализации сформировать ядро новой семемы, образовав единицу так называемой вторичной номинации.

Так, лексема *золотой* легко развивает переносные значения, актуализуя свои многочисленные потенциальные семы. Например: *Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбежались его последние лучи; золотые тучки расстились по небу все мельче и мельче* (Тургенев, «Льгов»). В данном примере переносное значение *золотой* формируется благодаря актуализации периферийной семы 'блестяще-желтый цвет', перешедшей в ядро интенционала. При этом можно говорить о смене архисемы 'сделанный из золота, содержащий золото' на архисему 'цвет (характерный для золота)'.

Другая семема формируется при актуализации периферийной семы 'ценность, значимость' (неактуальная для предыдущей семемы) – такой ЛСВ реализуется, например, в словосочетании *золотые руки*: *Снежана вышла замуж за хорошего парня, зовут Олегом. Русский, золотые руки, работает автомехаником* (Токарева, «Своя правда»). Архисема данной семемы – 'ценный, значимый, профессиональный, мастерский'.

В контекстах типа *Эта поездка стала для меня золотой* актуализуется периферийная сема 'дороговизна' и формируется новая семема, значение которой 'неоправданно дорогое': говорящий считает, что

нечто обошлось ему буквально «на вес золота», что он переплатил, его затраты оказались несоразмерно велики, объект не стоил таких денег, которые пришлось за него заплатить волею обстоятельств. Таким образом, приобретение периферийной семой ('золотистый цвет', 'ценность, значимость', 'дороговизна' и другими) статуса ядерной ведет к образованию новой семемы, формируя полисемичную лексему.

В ряде случаев развившееся переносное, метафорическое значение может закрепляться в качестве основного. Исконная, первичная семема в процессе развития языка оказывается утраченной. Так, лексема *впечатление* первоначально имела значение 'оттиск, отпечаток, изображение', ср. *печать* [3, II, с. 924], [6, I, с. 255], но к XIX–XX вв. основным становится ЛСВ 'влияние чего-либо, кого-либо на человека'. В текстах XVIII–XIX вв. встречаются контексты, в которых реализуются обе семемы, например: *Уж перстня верного утрата впечатление, // Растопленный сургуч кипит...* (Пушкин, «Сожженное письмо»); *Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина* (Пушкин, «Дубровский»); *Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце* (Карамзин, «Бедная Лиза»). В современном русском языке лексема утратила связь с производящей основой, ассоциируется не с конкретными предметами: оттиском, печатью, а с абстрактными психическими реакциями на явления окружающего мира. Изменение значения повлияло и на особенности управления в словосочетании: если раньше были актуальны обороты *сделать (произвести) впечатление в ком-либо, чем-либо*, то теперь используется предлог *на* плюс имя в винительном падеже (*произвести впечатление на кого-либо*). Словари отмечают следующие ЛСВ лексемы: 1. Образ, след, отражение, остающиеся в сознании человека предметами и явлениями внешнего мира. 2. Влияние, воздействие на кого-л. 3. Мнение, оценка, сложившиеся после знакомства, соприкосновения с кем-н., чем-н. [4, I, с. 221]. Например: *Он ушел, а Обломов сел в неприятном расположении духа в кресло и долго, долго освобождался от грубого впечатления* (Гончаров, «Обломов»); *Впрочем, не на одного меня Лидочка произвела такое впечатление* (Куприн, «К славе»); *Она... была расточительна, страшно любила азартные игры, танцы, сильные впечатления, острые зрелища, посещала за границей сомнительные кафе, но в то же время отличалась щедрой добротой и глубокой, искренней набожностью, которая заставила ее даже принять тайно католичество* (Куприн, «Гранатовый браслет»); *Живость впечатления так велика, что, глядя на портрет Пушкина, как будто слышишь давно знакомый голос поэта, обращенный к нам, его далеким потомкам* (Паустовский, «Орест Кипренский»).

Таким образом, семантическая структура слова является подвижным образованием. Представляется, что увеличение ЛСВ слова связано с человеческим мышлением, познанием предмета или явления более детально, открытием новых и неизведанных граней в казалось бы известном и знакомом; в ряде случаев – с осмыслением объекта под другим углом зрения, зависящем от господствующего мировоззрения в обществе на различных ступенях его развития. Разви-

тие мышления и обнаружение новых граней объекта продуцируют актуализацию периферийных и потенциальных сем, нейтрализацию ядерных, что приводит к изменению состава и статуса дифференциальных сем, преобразованию их иерархии. Все эти процессы ведут к появлению новых семем в рамках семантической деривации, наиболее продуктивные модели которой были представлены в данной статье.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Источники и принятые сокращения

Игн. Пут. – Записки Игнатия чернеца о путешествии митрополита Пимена в Царьград и Иерусалим; *Киевск. Псалт. 1397* – Киевская Псалтирь

1397 г. М., 1978; *ЛЛ 1377* – Лаврентьевская летопись 1377 г. (Полное собрание русских летописей. Том первый). М.: Языки русской культуры, 1997.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М., 2005.
2. Левицкий В.В. Семасиология. Винница, 2006.
3. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

УДК 801.3

О.И. Блинова

ТИПОЛОГИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

Томский государственный университет

Выявлению роли внутренней формы слова (ВФС) посвящена незначительная часть исследований. В имеющихся публикациях (см. работы А.А. Потебни, Ш. Балли, В.В. Виноградова, Г.Г. Шпета, В.Г. Гака, Н.Г. Комлева, Д.Н. Шмелёва, Н.И. Мигириной, В.Н. Телия, Е.С. Кубряковой, Е.Н. Земской, Н.Д. Голева, М.Н. Яценецкой и др.¹) называются или рассматриваются лишь отдельные, далеко не все, функции ВФС, присущие ей как компоненту лексических единиц (ЛЕ), в рамках которых она выполняет свои функции. Попытка создать типологию функций ВФС и их систематизацию представлена в ряде работ автора статьи [1, с. 114–124; 2, с. 13–17; 3, с. 16–23], в них же дано определение ВФС, из которого

Внутренняя форма вместе со слогофонемной структурой и с грамматическим строем – это главное, что придает национальный колорит языку.

Н.Г. Комлев

автор исходит: ВФС – морфосемантическая структура слова, позволяющая осознать взаимообусловленность его звучания и значения [3, с. 16]. Структуру ВФС образуют: мотивационная форма (МФ) – значимые сегменты (или сегмент) звуковой формы слова, обусловленные его мотивированностью, и мотивационное значение (МЗ) – значение (синтез значения) мотивационной формы слова [3, с. 16]. Ниже дается схема ВФС *змеевик* ‘камень горной породы зеленого цвета с разнообразными оттенками – от почти черного до светло-фишашкового’:

ВФС — { МФ: ЗМЕЕВИК
МЗ: камень <цвета> змеи²

¹ Более полный список см. в [12].

² Прописными буквами выделена МФ, в толковании МЗ в фигурные скобки заключены слова, не выраженные МФ.